
МОВОЗНАВСТВО

УДК 811.161.1:811.161.3]09.(092)

DOI 10.31654/2520-6966-2020-16f-101-98-106

Г. М. Вакуленко

кандидат філологічних наук, доцент кафедри українського мовознавства та методики його викладання Нежинського державного університету імені Миколая Гоголя

Н. И. Клыпа

кандидат філологічних наук, доцент, директор навчально-наукового інституту філології, перекладу та журналістики Нежинського державного університету імені Миколая Гоголя

Исследования Е. Ф. Карского о языке восточных славян

У статті аналізуються погляди Карського на походження східних слов'ян, зокрема білорусів, та їхньої мови; розглядається поняття мовної картини світу, її відмінність від концептуальної картини, зв'язок природних умов існування східних слов'ян із розвитком мови; відображення в лексичній системі східнослов'янських мов, зокрема білоруської, особливостей ментальності та матеріальної культури слов'ян, а також їх взаємовідношень із близькими і далекими сусідніми племенами.

Розглядаються матеріали, що ввійшли у трьохтомне дослідження вченого «Білоруси», у якому видатний філолог-славіст, етнограф, палеограф, засновник білоруського мовознавства і літературознавства, детально аналізує кордони розповсюдження білоруського племені, особливості становлення і розвитку білоруської нації та її мови.

Автори звертаються до поняття мовної картини світу, що являє собою інформацію про середовище і людину, перероблену і зафіксовану в мові. Зазначається, що в мові східних слов'ян, і білорусів зокрема, відображається вплив природних умов їхнього проживання на утворення топонімів, гідронімів, які детально розглядаються в книзі «Білоруси».

Є. Ф. Карський також звертається до аналізу особливостей місця проживання і відповідного їм найменування слов'янських племен, які зафіксовані у «Повісті минулих літ» і ввійшли до складу білоруської території. На думку вченого, особливості природи стали також причиною збереження у східних слов'ян вірувань у чортів, якими народ заселяє болота, у русалок, які мешкають у річках та інших водоймах, що знайшло своє відображення

в прислів'ях, фразеологізмах і різноманітних народних повір'ях. У третьому томі книги «Білоруси» Є. Ф. Карський досліджує лінгвістичну сторону білоруського фольклору як репрезентацію мовної картини світу східних слов'ян, зазначаючи, що «витвори білоруської народної творчості природно мають родинні паралелі». Білоруська народність услашувала той запас знань і взагалі культурний рівень, який розвинувся у всіх слов'ян під час їхнього спільного життя, а також сприйняла культурні надбання часу спільного життя східних («руських») слов'ян. Особливо цінні для мовного дослідження, на думку вченого, найдавніші твори усної народної творчості, які відображають первісні народні вірування, світогляд і взагалі культурний стан народу.

Ключові слова: східні слов'яни, концептуальна картина світу, мовна картина світу, концепт, експонент, топонім, гідронім, тематична група.

Связь будущего академика, известного лингвиста Е. Ф. Карского с Нежинской филологической школой начинается в 1881 году, когда выпускник Минской духовной семинарии Евфимий Новицкий (по матери Карский) начал учиться в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко. Ещё в студенческие годы Е. Ф. Карский проявлял научный интерес к проблемам славянских языков, о чём свидетельствуют его первые работы («кандидатские сочинения») «Особенности правописания и языка Супрасльской рукописи» (2 курс), «Обзор звуков и слов белорусской речи» (4 курс). Вторая работа получила весьма высокий отзыв от профессора Р. Ф. Брандта, который предложил напечатать её в X томе Известий Историко-филологического института князя Безбородко [1].

И в наши дни интерес к работам Е. Ф. Карского только возрастает, ведь его имя можно связать со многими проблемами восточнославянского и общего языкознания.

Среди множества научных трудов Е.Ф. Карского трёхтомное исследование «Белорусы» занимает центральное место. Выдающийся филолог-славист, этнограф, палеограф, основатель белорусского языкознания и литературоведения подробно анализирует границы распространения белорусского племени, особенности становления и развития белорусской нации и её языка, отмечая, что «уже на первых порах существования того или другого племени известные физические условия занятой им страны так или иначе отражаются на выработке его характера, который в свою очередь налагает известный отпечаток и на самый язык. Связь эта между языком и природой страны непрерывно продолжается в течение всего существования народа» [5, с. 37].

Подробный анализ исследований учёного о связях языка с природными условиями существования восточных славян позволяют нам обратиться к понятию языковой картины мира. Термин «картина мира» используется многими науками – лингвистикой, философией, психологией, которые трактуют её как представление о мире, отражённое в человеческом сознании. «Картина мира выражает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [3]. Как отмечают учёные, с 60-х годов прошлого века проблемы картины мира стали рассматриваться семиотикой при исследовании языка как первичной моделирующей системы и при исследовании мифов, религии, фольклора, поэзии, кино, живописи, архитектуры как вторичных систем, хотя интерес к языковой картине мира проявляется ещё в работах Вильгельма фон Гумбольдта, а одним из основоположников современного учения о языковой картине мира считается германский учёный И. Гердер [3].

Большинство современных философов и лингвистов различают концептуальную и языковую картины мира. Н. Н. Гончарова, вслед за В. В. Морковкиным, считает, что «противопоставление концептуальной и языковой картины мира не вполне корректно «ввиду формальной разноплановости, разнонаправленности этих терминов. Термин «языковая картина мира» указывает на то, что носителем картины мира является язык, тогда как термин «концептуальная картина мира» указывает на то, из каких элементов складывается обсуждаемый гносеологический объект» [3]. Исследовательница, вслед за Ю. Н. Карауловым, отмечает, что между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения, а границы между ними кажутся зыбкими, неопределёнными [3]. Сопоставив носителя (субъекта), экспоненты и элементы концептуальной картины мира и языковой, Н. Н. Гончарова приходит к выводу, что «отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке – это **картина мира**. Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, – это **языковая картина мира**» [3].

Носителем и концептуальной, и языковой картины мира выступает человек, а создание картины мира состоит в познании человеком объективной реальности, причём «языковая картина мира основана только на знании, внушенном родным языком, его единицами и категориями» [3].

Таким образом, картина мира – это ментальное образование, хотя мышление вне языка фактически невозможно, поскольку это одна из ипостасей ментально-лингвального комплекса наряду с сознанием и языком [4, с. 19–23]. Основными элементами картины мира Н. Н. Гончарова считает информемы – некоторые информационные целостности. Экспонентом картины мира являются язык, жесты, изобразительное искусство и музыка, ритуалы, вещи, этикет, мимика, мода, способы ведения хозяйства, социокультурные стереотипы поведения людей и т. д. Языковая же картина мира – это ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты, т. е. означенные информемы. Экспонентом языковой картины мира служит этнический язык [3].

Большинство исследователей обращают внимание на двойственную природу языковой картины мира. «С одной стороны, условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяют их сознание и поведение, что находит отражение в их языковой картине мира; с другой – человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, его семантику и грамматику, что детерминирует структуры мышления и поведения. Языковая картина мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения, то есть антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Языковая картина мира – целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [3].

Характер языковой картины мира наиболее наглядно представлен в лексике, поскольку именно лексическая система непосредственно связана с развитием и жизнью общества и быстрее всего реагирует на любые его изменения. Но исследователи языковой картины мира, учитывая ведущую роль лексики, призывают не забывать и о различных текстах – поэтических, научных, публицистических, о пословицах и поговорках, которые также являются «воплощителями» языковой картины мира [3]. Также в этом отношении интересны многообразные фольклорные тексты, к анализу которых обращается и Е. Ф. Карский.

Во времена учёного лингвистическая наука не употребляла термин языковая картина мира, но его описания и исследования богатого лексического материала многих славянских языков позволяют назвать имя Е. Ф. Карского среди тех, кто стоял у истоков современной лингвокультурологии [2, с. 28].

Языковая картина мира любого народа представляет собой информацию о среде и человеке, переработанную и зафиксированную в языке. В языке восточных славян, и белорусов в частности, отражается влияние природных условий их проживания на образование топонимов (*Брянск / Дьбрянск, Брест / Берестье, Сосница, Стародуб, Ельна, Заболотье, Березовец*), гидронимов (*Дубна, Березина, Бобр, Волчанка, Вопец, Дубровенка, Болотьянка*), которые подробно рассматриваются в первом томе книги Е. Ф. Карского «Белорусы», ведь именно сохранившаяся «номенклатура живых урочищ – рек, озёр, возвышенностей, а также названия городов, сёл, деревень и отчасти прозвища и фамилии лиц» вместе со свидетельствами классических и средневековых писателей относительно определённой местности, а также данные доисторической археологии могут дать ответы на вопросы, где, когда и как жили древние славяне – предки нынешних белорусов [5, с. 60–61].

Е. Ф. Карский также обращается к анализу особенностей места проживания и соответствующего им наименования славянских племён, зафиксированных в «Повести временных лет» и вошедших в состав белорусской территории – *дреговичи, радимичи, кривичи*. Анализируя письменные свидетельства Геродота, Птолемея, Плиния и др. о племенах *будинов*, то ли финнов, то ли славян, учёный сопоставляет это название со словом «буда», известным всем славянским языкам, а также литовскому, латышскому и древне-немецкому, отмечая, что «в Белоруссии это слово живёт до сих пор не только как название для постройки или кибитки, но и в специальном смысле – места, освободившегося после выжженного леса, а в земле будинов были огромные леса», следовательно, будины – это славяне, также как и венды (венеды), о которых упоминают и Геродот, и Тацит [5, с. 66–67].

По мнению Е. Ф. Карского, особенности природы послужили также причиной сохранения у восточных славян верований в чертей, которыми народ населяет болота, в русалок, обитающих в реках и других водоёмах, что нашло отражение в пословицах, фразеологизмах и различных народных поверьях [5, с. 59]. Например, *Болото да овраги – чёртова житьё, В тихом омуте черти водятся*.

В третьем томе книги «Белорусы» Е. Ф. Карский исследует лингвистическую природу древнерусского фольклора как репрезентацию языковой картины мира восточных славян, отмечая, что «произведения белорусского народного творчества естественно

имеют родственные параллели». Белорусская народность унаследовала тот запас знаний и вообще культурный уровень, который развился у всех славян во время их общей жизни, а также восприняла культурные приобретения времени общей жизни восточных («русских») славян. Особенно ценны для языкового исследования, по мнению учёного, древнейшие произведения устного народного творчества, отражающие первобытные народные верования, мировоззрение и вообще культурное состояние народа. Анализируя тематические группы родственных наименований (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дед, бабушка, дядя, племянник, сноха, свёкор, свекровь, деверь, золовка, ятровь*), названий орудий труда, предметов быта, разновидностей еды и питья, различных процессов и действий (*пахать-орать, сеять, жать, молоть, печь, плести, прясть* и т. п.), Е. Ф. Карский делает выводы об особенностях социального строя древнейших славянских племён, о развитии скотоводства и земледелия, о жилищах и их частях, о ремёслах, о ведении домашнего хозяйства и приготовлении пищи.

В произведениях древнерусского фольклора, по мнению учёного, наглядно прослеживается сильное впечатление, произведённое природой страны на древних славян: *дуб сырой, вяз черленый, куст ракитовый, берёза кудрявая, высота поднебесная, глубота глубокая, акиян море, омоты непровские, горы сорочинские, леса брынские, гряды смоленские* [5, с. 138–139]. С другой стороны, сильное влияние на культуру и мировоззрение русского племени оказали появление сильной княжеской власти и проникновение христианства [5, с. 141]. В языке восточных славян появляются слова для обозначения военных понятий (*броня, шатёр, забрало, хоругвь, рать* и др.), экономических (*мыто, вира, смерд, думец* и др.). Понятия воинственного быта сказываются и в некоторых собственных именах, которые давались князьям и боярам: *Святополк, Ярополк, Мстислав, Ярослав, Творимир, Мстибог, Святослав*, в названиях городищ и других поселений: *Ярославль, Богатыренков, Шитовцы, Хоробров, Славутин, Стражница, Ворота, Твердь, Воин, Воиница, Городище, Городно* [5, с. 143].

Старинное мировоззрение славян, их культура наглядно отражены в языческих мифах о богах и устройстве мира (*Сварог-небо, Дажьбог-солнце, Стрибог-ветер, Хорс, Велес, Перун, Мокошь*). С приходом христианства названия языческих божеств заменяются христианскими святыми. Но, по мнению Е. Ф. Карского, это касается только главных божеств, низшие же божества, которые развились путём эволюции из прежнего анимизма природы и не имели

личных имён, а характеризовались лишь известными эпитетами, определяющими их место жительства или свойства, остались прежними (*домовой, леший, русалка, водяной, лесовик; злыдни, горе-злосчастье, лихо* и под.) [5, с. 147–160].

Широкое творчество языка рельефно проявляется и в образовании названий месяцев, дней недели и вообще определённых времён года. Чисто славянские старинные названия: *просинец, сечен, сухой, березозол, травный, изок, червен, зарев, рюин, листопад, груден, студёный* – соответствуют тем явлениям в природе, которые происходят в то или другое время года [5, с. 145]. И хотя в современном русском языке закрепились греко-римские наименования месяцев, в современном украинском языке употребляем *січень, лютий, березень, квітень, травень, червень, липень, серпень, вересень, жовтень, листопад, грудень*; в белорусском – *студзень, люты, сакавік, красавік, травень, чэрвень, ліпень, жнівень, верасень, кастрычнік, лістапад, снежань*. Собственно языческие названия дней недели не сохранились, но время у древних славян, по наблюдениям Е. Ф. Карского, обозначалось по языческим праздникам: «*русальная неделя*», «*до Ивана дне до купал*», «*до коляд*» [5, с. 146].

Анализируя фольклорные тексты древнерусского народа, Е. Ф. Карский подробно останавливается и на вопросе старины сохранившихся до наших дней произведений устного народного творчества, отмечая их особенности и сходство с народными произведениями других славян, в частности обилие эпитетов (*чистое поле, синее море, зелена трава, борзый и добрый конь*), тавтологических выражений (*в полон полонить, думушку подумувати, чудо-чудное, горе горевать*), употребление сравнительных оборотов с использованием формы творительного падежа (*туром перескакал, соколом перелетел, голубоньком пади*), употребление параллелизмов (*Одно солнышко катится по небу, один князь княжит над Русью; У саду бяроза караністая, у мяне свякрова наравістая*) [5, с. 166–169].

Подводя итог предыдущим лингвистическим исследованиям, Е. Ф. Карский указывает, что «*весь запас устной народной поэзии, развившийся в течение общеславянской, а затем общерусской жизни, становится достоянием белорусской народности*» [5, с. 171]. Именно анализу разнообразных видов белорусской народной поэзии посвящает учёный большую часть третьего тома своего знаменитого труда «*Белорусы*», отмечая, что «*окружающая среда, общение с природой внешней и людьми, наблюдение над своим*

внутренним миром и над жизнью других людей и животных давали материал для слова, языка, но они же давали материал и для поэзии» [5, с. 161].

Литература

1. Белая А. С. Евфимий Фёдорович Карский (архивные материалы г. Нежин). Нежин, 2000. 23 с.
2. Белая А. С. Лингвокультурологические компоненты в исследованиях Е. Ф. Карского. *Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы X Международных Карских чтений, 16–17 мая 2005 г., Гродно: в 2 ч. Ч. 1.* Гродно: ГрГУ, 2005. 308 с.
3. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya>
4. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы. Москва, 1996. 415 с.
5. Карскі Яухім. Беларусы / уклад. і камент. С. Гараніка і Л. Ляшун; навук. рэд. А. Мальдзіс; прадм. Я Янушкевіча і К. Цвіркi. Мн.: Беларускі кнігазбор, 2001. 640 с.

Referenses

1. Belaya A. S. (2000). Evfimii Fedorovich Karskii (arkhivnye materialy g. Nezhin). [Evfimii Fedorovich Karskii] [in Russian].
 2. Belaya A. S. (2005). Lingvokulturologicheskie komponenty v issledovaniyakh E. F. Karskogo. E. F. Karskii i sovremennoe yazykoznanie: materialy Kh Mezhdunarodnykh Karskikh chtenii, 16-17 maya 2005 g., Grodno: v 2 ch. Ch.1. – Grodno: GrGU, 308 s. [Linguistic and cultural components in the studies of E.F. Karsky] [in Russian].
 3. Goncharova N. N. Yazykovaya kartina mira kak obekt lingvisticheskogo opisaniya Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> [Linguistic picture of the world as an object of linguistic description] [in Russian].
 4. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. (1996). Russkie agnonimy. M. [in Russian].
 5. Karski, Yauhim (2001). Belarusy. Uklad. i kament. S. Garanika i L. Lyaushun; Navuk. red. A. Mal'dzis; Pradm. YA YAnushkevicha i K. Cvirki. Mn.: «Belaruski knigazbor» [in Belorussian].
-

H. Vakulenko

Candidate of Philology, Associate Professor,
Educational and Research Institute of Philology, Ukrainian Language and Methodology
Department, Nizhyn Mykola Gogol State University

N. Klypa

Candidate of Philology, Associate Professor, Director of Educational and Research Institute
of Philology, Nizhyn Mykola Gogol State University

Research by E. F. Karskii about Eastern Slavs' language

The article analyzes Karskii's views on the origin of Eastern Slavs, in particular the Belarusians, and their language. The concept of a linguistic picture of the world, its difference from the conceptual picture, the connection of natural existence conditions of Eastern Slavs with the language development are considered. Reflection of the lexical system of East Slavic languages, in particular Belarusian, the peculiarities of mentality and material culture of the Slavs, as well as their relationship with close and distant neighboring tribe are viewed.

The materials are collected in a three-volume study «Belarusians», in which Karskii, the outstanding Slavic philologist, ethnographer, paleographer, founder of Belarusian linguistics and literary criticism, analyzes the boundaries of the Belarusian tribe spread, the peculiarities of the formation and development of the Belarusian nation and its language in details.

The authors refer to the concept of a linguistic picture of the world, which contains the information about the environment and a person, processed and recorded in the language. It is noted that the language of the Eastern Slavs, and Belarusians in particular, reflects the influence of the natural surroundings of their habitation on the formation of toponyms, hydronyms, which are described in the book «Belarusians». E. F. Karskii also illustrates the peculiarities of the habitation and the corresponding name of the Slavic tribes recorded in the «Chronicle» included in the Belarusian territory. According to the scientist, the distinctiveness of nature also served as the reason for the preservation of beliefs among the Eastern Slavs in the evil spirit that inhabited the swamps, in the mermaids living in rivers and other creatures, reproduced in proverbs, phraseological units and various popular beliefs.

In the third volume of the book «Belarusians» E. F. Karskii explores the linguistic constituent of Belarusian folklore as a symbol of the linguistic picture of the world of the Eastern Slavs, noting that Belarusian folk art is certainly related to the language. The Belarusians have inherited the knowledge and, in general, the culture that all Slavs developed during their shared life and adopted the cultural acquisitions of the time of their shared life of the Eastern («Russian») Slavs. According to the scientist, the most ancient pieces of work of oral folk art are especially valuable for linguistic research that reflect simple folk beliefs, worldview and, in overall, the culture of the people.

Key words: Eastern Slavs, conceptual picture of the world, linguistic picture of the world, concept, exhibitor, toponym, hydronym, thematic group